

UNITED WISDOM

Пара вне привычной семейной нормы: достоинство, поддержка и повседневные договорённости

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R-13-N06 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Пара вне привычной семейной нормы: достоинство, поддержка и повседневные договорённости

Эпиграф

«искреннее и беспристрастное наблюдение»

Эдвард Карпентер, «Промежуточный пол», вводная глава, с. 12. Фрагмент собственной речи автора; перевод для этой статьи. Его исторические объяснения пола и характера не принимаются здесь как современное знание.

О чём эта статья

Двое взрослых людей могут строить общую жизнь и одновременно сталкиваться с вопросом, почему их отношения не похожи на привычный семье образец. Такой вопрос возникает вокруг однополой пары, незарегистрированного союза, разных вероисповеданий или решения не иметь детей. Эти ситуации неодинаковы; одна статья не устанавливает для них общий правовой статус. Но в каждой можно различить достоинство человека, отношение окружающих к форме союза и конкретные договорённости внутри пары.

Рассмотрим вымышленную историю Дины и Алины. Они живут вместе, делят расходы и заботятся о доме. На семейный день рождения пригласили Дину, а присутствие Алины предложили пока не обсуждать. Теперь нужно решить не только вопрос приглашения, но и то, кому говорить, какие сведения открывать, кто выдержит разговор и как поступить с общими планами. Статья не предлагает доказывать приемлемость своей жизни. Она разбирает, как сохранять достоинство и голос обоих людей, искать определённую поддержку и договариваться о повседневности без обязательного раскрытия, согласия всех родственников или обещания благополучного исхода.

I. Достоинство не является наградой за убедительность

Дина может подготовить длинное объяснение: они не мешают другим, работают, помогают близким, умеют заботиться друг о друге. Каждое утверждение может быть верным, но сама форма защиты ставит неудобное условие. Будто уважительное обращение нужно сначала заслужить образцовым поведением. Тогда обычная ссора о посуде становится свидетельством против союза, а усталость — не позволенной человеку слабостью, а недостатком всей категории людей. Мы не обязаны принимать этот порядок рассуждения.

В статье 1 Всеобщей декларации прав человека исходным названо равенство достоинства и прав всех людей. Для нашего вопроса это принцип обращения с человеком, а не готовый ответ о признании конкретного союза законом страны. Важно удержать оба ограничения: не свести достоинство к общественному одобрению и не выдать общий документ за юридическую консультацию. Дина и Алина могут обсуждать приглашение, не проходя предварительный экзамен на право иметь голос.

Из этого не следует, что любое действие партнёра становится приемлемым. Уважение к человеку совместимо с вопросами о данном обещании, согласии, расходах и причинённом вреде. Если Алина потратила общие деньги без согласования, это предмет разговора между ними. Внешнее неодобрение не освобождает её от ответственности. Но и спор о расходах не подтверждает, что Дина заслуживает унижения или что все пары такого рода неспособны к договорённости. Обобщение меняет предмет и лишает обоих возможности ответить на конкретный вопрос.

Можно поэтому начать с простого разделения. Есть способ обращаться с человеком; есть различие взглядов на союз; есть поступок, который действительно обсуждается. Их смешение делает разговор бесконечным: вместо ответа о гостях возникает спор о всей жизни. Разделение не устраняет чужих убеждений и не гарантирует уважительного ответа. Оно лишь позволяет заметить, где практический вопрос незаметно превратился в требование оправдать собственное существование, и решить, готовы ли мы продолжать именно такой разговор.

II. Общая жизнь не обязана быть публичным доказательством

До приглашения у Дины и Алины были вполне обычные дела. Нужно заказать продукты, уточнить оплату жилья, забрать вещи из ремонта. После сообщения Дина хочет подробно объяснить родственникам их отношения. Алина хочет прежде закончить рабочий день и не превращать вечер в подготовку выступления. Ни одно желание само по себе не показывает, кто больше дорожит парой. Один человек ищет признания в разговоре, другой хочет сохранить место, где общая жизнь существует без ежедневного предъявления доказательств.

Полезно спросить, какое дело сейчас действительно общее. Обсудить, пойдут ли они на праздник, — общее. Разослать их фотографии родственникам — отдельное решение о личной информации. Сообщить всем историю знакомства — ещё одно решение. Из согласия жить вместе не следует согласие на любую форму публичности. И из желания представить партнёра не следует право сделать другого участником объяснения без его участия. Здесь важна не проверка смелости, а точность того, на что каждый сейчас согласен.

Алина может сказать, что не готова к семейному обсуждению. Это не устанавливает навсегда запрет Дине говорить о собственной жизни. Но рассказ Дины может содержать сведения об Алине, поэтому личная свобода высказывания встречается с чужой приватностью. Такое пересечение стоит разобрать предметно: что можно сообщить, кому, в какой форме и о чём договорённость ещё отсутствует. Иногда ответом окажется ограниченный рассказ о себе; иногда — отложенный разговор. Статья не назначает одну меру открытости всем парам.

Неприятный контрпример тоже нужен. Бывает, что просьба о приватности становится постоянным требованием скрывать партнёра в любых обстоятельствах. Тогда можно обсудить последствия для общей жизни: какие события один человек всё время переживает отдельно, чего другой ожидает и готов ли продолжать так. Назвать эти последствия — не то же самое, что принудить к раскрытию. У обоих остаётся право определять своё участие. Согласованный предел публичности требует места для несогласия, а не только обещания терпеть неопределённость.

III. Что можно взять у исторического защитника различия

Во вводной главе «Промежуточного пола», впервые опубликованного в 1908 году, Карпентер просит рассматривать людей внимательнее и признаёт ограничения своей уверенности. Но соседние рассуждения используют устаревшие типологии, связывают пол с определёнными свойствами характера и строят предположения об эволюции. Мы не переносим эти объяснения в современное описание человека. Историческое выступление против поспешного осуждения не превращает весь его понятийный аппарат в надёжную науку.

Для статьи важен узкий вопрос: можно ли встретить человека до того, как заранее определили его по категории. Дина не обязана соответствовать представлению о решительной женщине, Алина — о мягкой; их способности и желания нельзя вывести из пола партнёра. Даже положительная характеристика целой группы способна стать требованием. Если пару допускают к столу только потому, что её участники якобы особенно заботливы, право на обычную ошибку остаётся невыданным. Это авторское применение, а не доказанный Карпентером современный результат.

Такое чтение требует не удобной выборки одного красивого предложения, а честного указания, что мы принимаем и что оставляем историческому тексту. Просьба не судить поспешно может помогать сформулировать собственную позицию. Устаревшие объяснения происхождения влечения, медицинские предположения и ранжирование людей здесь не используются. Короткая цитата не должна скрывать этот разрыв. Иначе старый источник незаметно получит полномочия отвечать на вопросы, для которых мы его не проверяли и которые статья не исследует.

В разговоре с родственником это различение выглядит скромнее исторической программы. Можно попросить не угадывать характер Алины по чужому представлению о таких отношениях, а уточнить, что она сама хочет сообщить. Можно также не принимать приглашение рассказать интимные подробности как условие знакомства. Интерес к человеку и доступ к его частной жизни различаются. Мы не знаем заранее, согласится ли родственник с такой границей. Но можем определить, какой именно способ знакомства нам предлагается и какой способ мы готовы поддержать.

IV. Поддержка становится определённой в одном действии

Дина пишет знакомой: ей нужна поддержка. Та отвечает, что полностью на её стороне. Ответ может быть дорог Дине, но из него пока непонятно, готова ли знакомая поговорить вечером, встретиться после праздника или вмешаться в семейный спор. У общего слова несколько возможных содержаний. Чтобы не проверять близость догадками, можно назвать одно действие: выслушать, помочь составить сообщение, побыть рядом после разговора. Человек получает возможность согласиться с этим действием или назвать свой предел.

Помощник тоже имеет голос. Он может быть готов слушать, но не выступать посредником; согласиться встретиться, но не принять ожидание конфиденциальности, которое не было оговорено до сообщения сведений. Важна прозрачность до участия. Дина не должна доказывать, что её трудность достаточно велика, чтобы иметь право попросить. Однако сама просьба не обязывает другого к любому виду помощи. Различение достоинства и возможности делает поддержку менее похожей на проверку лояльности, где частичный отказ немедленно означает предательство.

Для Алины полезной поддержкой может оказаться совсем другое. Она не хочет ещё одного обсуждения отношений; ей нужно, чтобы вечером не пришлось одной заканчивать домашние дела. Если Дина предлагает только разговор, добрая воля не совпадает с предметом потребности. Партнёру стоит уточнять желаемое участие, а не выводить его из общего положения пары. Одинаковое внешнее событие не создаёт одинакового запроса. И отсутствие готовности говорить сейчас не следует переводить в утверждение, что человеку ничего не нужно.

При угрозах, принуждении или зависимости от чужого жилья добровольная практика из статьи может оказаться неприменимой. Это повод не требовать открытого разговора как доказательства честности. Мы не оцениваем здесь конкретную опасность и не предлагаем универсальный способ защиты. Решение о действии требует обстоятельств и подходящей местной помощи; доступность её не предполагается. Даже найденный человек, готовый выслушать, не гарантирует безопасности. Он может быть одним участником поддержки, но не подтверждением, что выбранный разговор следует проводить.

V. У пары есть задачи, не сводимые к внешнему отношению

После напряжённого дня Алина обнаруживает, что Дина не оплатила счёт, который взялась оплатить. Дина отвечает, что занималась важным семейным разговором ради них обеих. Здесь возникает соблазн оставить бытовой вопрос без ответа: обсуждать его будто мелочно рядом с неодобрением родственников. Но обещание об оплате остаётся конкретным. Можно учитывать тяжесть дня, не превращая её в отмену общего дела и не заставляя Алину доказать, что счёт важнее отношений с семьёй.

Уточнение начинается с фактов, доступных участникам: кто принял задачу, что сделано, чего не сделано и какое новое участие сейчас возможно. Если Дина не может закончить её сегодня, нужно предложить изменение договорённости, а не считать его уже принятым. Алина может согласиться помочь, отказаться или назвать условие. Так повседневность сохраняет собственную структуру. Наша пара не обязана предъявлять внешнему миру безупречный быт, но внутри неё нельзя заменить согласование утверждением, что все трудности должны исчезнуть перед общим противником.

Это особенно заметно в неопределённых ролях. Отсутствие привычного семейного образца может оставлять больше вопросов о расходах, гостях, отдыхе и обязанностях. Однако отсутствие образца не означает отсутствие права спрашивать. Нужно не придумать, кто обязан выполнять роль мужа или жены, а определить конкретную задачу и участие. Кто замечает, что заканчиваются продукты, кто выбирает время покупки, кто делает заказ, кто проверяет получение? Ответ нельзя извлечь из пола, возраста или того, кому легче защищать отношения перед родственниками.

Договорённость может быть временной и неравной по объёму. Один человек сейчас работает больше, другой располагает временем; через месяц обстоятельства изменятся. Неравенство само по себе ещё не описывает согласие, доступную возможность или справедливость. Важно, понятно ли каждому принятое участие и можно ли вернуть вопрос к обсуждению. Дина и Алина не получают автоматического решения от необычности союза. Им, как участникам конкретной общей жизни, нужно различать задачу, обещание, выполненную часть и предел, который действительно назван.

VI. Видимость пары состоит из разных решений

Вернёмся к приглашению. Для Дины прийти без Алины означает согласиться с тем, что её партнёр исчезает из семейной картины. Для Алины приходить туда, где её не пригласили, означает самой добиваться места. Понять оба значения — ещё не выбрать поступок. Можно сначала спросить организатора, приглашены ли обе, а затем отдельно решить, хотят ли они участвовать. Уточнение списка гостей не обязано превращаться в спор о мировоззрении; но ответ действительно может показать предел гостеприимства.

При этом у каждой есть собственные отношения с родственниками. Требование всегда приходить вместе может лишить Дину желаемой встречи, а требование всегда приходить отдельно — сделать исключение Алины постоянной нормой. Готовое правило не учитывает их различного участия. Можно обсуждать именно этот праздник: что означает решение для каждой, какие последствия они готовы принять и чего не обещают. Решение один раз не следует автоматически переносить на все будущие события, если такой договорённости не было.

Чужое неуважение не делает любую внутреннюю просьбу справедливой. Дина не получает права требовать от Алины публичного выступления ради её семейного примирения. Алина не получает права назначить Дине бессрочный разрыв со всеми родственниками как единственное доказательство любви. Между этими требованиями может оказаться трудная, не вполне удовлетворительная договорённость. Статья не обещает, что уважительное обсуждение даст вариант без потерь. Но назвать цену каждого варианта лучше, чем скрыть её за единственным правильным образом любящей пары.

Иногда сейчас не находится общего решения. Тогда важно различить отсутствие договорённости и согласие другого терпеть предложенный порядок. Молчание после утомительного спора не завершает вопрос автоматически. Можно прямо сказать, что решение о совместном посещении ещё не принято, а время ответа ограничено организатором. Это не угроза и не приём для получения согласия. Это описание действительного положения, из которого каждый определяет свой следующий шаг и готовность продолжать обсуждение. Последствия такого шага нельзя заранее объявить безобидными.

VII. Религиозное различие не исчезает от общего слова об уважении

В Amoris Laetitia, §§250–251, Франциск призывает уважать достоинство людей независимо от сексуальной ориентации и отвергает несправедливую дискриминацию, агрессию и насилие. Следующий параграф одновременно сохраняет католическое несогласие с приравниванием однополого союза к браку в изложенном богословском понимании. Эти положения нельзя пересказать как полное одобрение любой формы пары или как разрешение унижать человека, если союз не одобряется. Источник удерживает собственное различие.

Из него не возникает единого ответа всех религий. Мы прочитали конкретный католический документ, а не исследование взглядов каждого верующего или всех общин. В бытовом разговоре родственник может разделять его положения, понимать их

иначе или говорить из другой традиции. Нужна точность атрибуции. Ссылка на духовный авторитет не даёт нам знания о мотивах этого человека; его слова и действия остаются отдельным предметом. И поддержка достоинства в документе не гарантирует уважительного поведения конкретной семьи.

Для Дины такое различие может быть болезненным: ей хочется, чтобы родной человек признал не только её присутствие, но и отношения. Она вправе назвать это желание. Однако практический вопрос о том, допустят ли Алину за стол и как будут с ней обращаться, не обязательно требует немедленного богословского согласия. Это не обязанность удовольствоваться минимальным уважением. Это возможность выяснить, какой разговор сейчас ведётся: о конкретном обращении, о религиозном признании союза или об обоих предметах сразу.

Если предлагаемый компромисс требует отрицать собственную жизнь или терпеть унижение, слово о различии взглядов не делает его приемлемым автоматически. Но и требование мгновенно отказаться от веры не устанавливает взаимного уважения. У человека остаётся выбор участия и предел обсуждения. Мы не решаем за пару, какой предел сохранить. Можно не завершать спор о доктрине и всё же ясно назвать поступок, с которым не согласны, условие своего присутствия или отсутствие готовности к следующей встрече. Возможность такого разговора зависит от обстоятельств.

VIII. Частная жизнь не должна превращаться в секрет друг от друга

Есть ещё один неудобный случай. Дина объяснила родственникам, что Алина просто знакомая, хотя обещала не давать такого описания. Затем просит Алину понять: иначе разговор стал бы слишком трудным. Трудность может быть реальной. Но нарушение конкретного обещания тоже реально и не исчезает от внешнего давления. Предметом сейчас становится не оценка характера Дины, а то, что она сообщила, почему договорённость не была пересмотрена заранее и возможно ли какое-либо исправление без нового раскрытия.

Исправление не означает автоматически публичного объявления. Оно может затронуть сведения Алины и последствия для неё. Сначала нужны её участие и согласие на предложенное действие. Даже правдивое сообщение не становится безусловно правильным в любой форме и для любой аудитории. Алина может хотеть уточнения, а может отказаться от нового распространения истории. Статья не устанавливает общего приоритета открытости над приватностью. Она удерживает ответственность за принятое обещание вместе с правом другого участвовать в решении о собственной информации.

Обратная ситуация также возможна. Алина рассказала знакомой о семейном конфликте и назвала личные сведения Дины. Желание получить поддержку не даёт неограниченного права рассказывать чужую жизнь. Можно обдумать, какие сведения действительно нужны для помощи и какие не были согласованы. Иногда достаточно описать собственное затруднение без имени и подробностей другого. Это авторский вопрос для добровольного размышления, а не правило, обязывающее человека оставаться без помощи или молчать о причинённом ему вреде.

Таким образом, приватность не тождественна скрыванию проблем внутри пары. Можно сказать партнёру, что для разговора с определённым помощником нужна информация, которую раньше не собирались открывать, и обсудить доступный предел. При этом нельзя считать отказ партнёра окончательным запретом искать подходящую помощь. Мы не разбираем здесь юридические или профессиональные правила конфиденциальности. Наша задача уже: замечать, когда поддержка потребовала нового решения о чужих сведениях, и не объявлять это решение заранее принятым за обоих.

IX. Отличие союза не является объяснением каждого затруднения

Когда между Диной и Алиной возник спор о деньгах, знакомый сказал, что им трудно именно потому, что отношения необычные. Такой ответ ничего не сообщает о счёте, обещании или возможностях. Он заменяет конкретный разбор общей причиной, которую в этой сцене никто не установил. Мы можем признать, что отношение окружающих стало отдельной трудностью, не приписывая ему каждый внутренний конфликт. Внешний контекст и конкретное действие нужно рассматривать рядом, сохраняя различие между ними.

Не следует и обратное: будто обсуждать влияние окружения значит искать оправдание любому поступку. Если Дина потратила вечер на семейное объяснение, это часть обстоятельств. Если она обещала оплатить счёт, это другая часть. Можно признать обе. Тогда разговор не вынуждает выбирать между верностью паре и ответственностью перед партнёром. Он спрашивает, какое действие нужно теперь, кто может его выполнить и как в будущем сообщать об изменении возможности до того, как другой обнаружит невыполненную задачу.

Внешнее признание тоже не решает всё автоматически. Представим, что родственники пригласили обеих и обращаются уважительно. Алина всё равно может хотеть другого распределения времени, а Дина — большего участия в планировании. Эти вопросы не становятся неблагодарностью после удачного праздника. Улучшение одной части положения не отменяет остальные. И неудачная встреча не делает всякую бытовую

просьбу недопустимой. У общей жизни несколько предметов, которым нужен собственный разговор, иногда в разное время и с различными участниками.

Сравнивать пару с образцом можно бесконечно. Более определённый вопрос звучит иначе: что именно между этими двумя людьми согласовано и что произошло с этой договорённостью. Он оставляет место и теплоте, и отказу, и пересмотру участия. Ответ может показать серьёзное несовпадение, которое нельзя устранить одной практикой. Но нам не нужно сначала установить идеальную форму союза, чтобы различить выполненное обещание и невыполненное, желаемую помощь и навязанную, поддержку человека и управление его жизнью. Это уже доступная работа внимания.

X. Вернуться к людям, а не к экзамену на нормальность

Через несколько дней Дина и Алина возвращаются к приглашению. Они могут спросить о гостях, выбрать раздельное участие, отказаться обе или отложить окончательный ответ до указанного срока. Ни один вариант не доказывает сам по себе, что их отношения достаточно настоящие. Важно, как он принят: были ли услышаны последствия для каждой, известно ли согласие и что никто не обещал. Удачная формулировка не гарантирует семейного признания и не устраняет возможную цену выбранного решения.

После этого остаётся обычный вечер. Нужно поесть, закончить рабочие дела, договориться о завтрашнем времени. Такая повседневность не мелочь рядом с общественным спором. В ней видно, как партнёры обращаются друг с другом, выполняют принятую часть и замечают изменение возможности. Достоинство не должно подтверждаться идеальным домом. Но уважение внутри пары имеет действия, которые нельзя заменить правильным заявлением о свободе отношений. Алина вправе говорить о невыполненной задаче, Дина — о пределе сил, обе — о том, на что они не соглашались.

Текст не решает вопрос, какой союз читателю следует выбрать. Он также не предлагает обязательного примирения с близкими или отказа от них. Из прочитанных оснований и условной сцены вырастает более узкое различение: человек не равен чужой категории, уважение не равно одобрению всех поступков, а общая жизнь не равна публичной защите своего устройства. Поддержка становится определённой через согласованное участие; договариваться можно лишь о том, что не объявлено заранее обязанностью другого.

Если вернуться к началу, у Дины теперь не одна задача объяснить семье всё. Есть несколько вопросов: что она хочет сообщить о себе, какие сведения принадлежат также Алине, какой ответ нужен о приглашении и какая помощь им доступна сегодня. Они могут не решить все вопросы сразу. Возможность остановиться на одном предметном вопросе не обещает облегчения, но сохраняет голос каждого. Отношения продолжаются не в

доказательстве соответствия образцу, а в действительных поступках, отказах, согласиях и ещё не принятых договорённостях.

Что это значит на практике

Если обстановка позволяет добровольное размышление, выберите одно ближайшее событие, в котором внешнее отношение затронуло общую жизнь. Это может быть приглашение, разговор с родственником или сообщение знакомому. Не нужно разбирать всё устройство пары. Сначала отдельно запишите, что известно: кто что предложил, какие сведения уже сообщены, какой срок ответа существует. Затем отличите свою интерпретацию от этих сведений. Предположение о чужом мотиве не превращается в установленный факт от силы чувства.

Назовите три разных предмета: желаемое обращение с вами, решение о раскрываемой информации и конкретное участие партнёра. Для одного предмета сформулируйте вопрос, на который другой может ответить, отказаться отвечать или предложить свой предел. Например, уточните готовность совместно узнать список гостей; не назначайте заранее обязанность пойти или выступить. Проверьте, что вопрос не содержит скрытого решения за партнёра и не требует от него отрицать последствия для себя.

После ответа различите согласованную часть и оставшуюся неопределённость. Если предложение не принято, оно не становится договорённостью от того, что кажется разумным. Если действие принято на этот раз, не переносите его автоматически на следующий случай. Практика не проверяет правильность союза, не гарантирует принятия окружением и не заменяет подходящей помощи при угрозах или принуждении. Её можно не выполнять. Её ограниченный результат — яснее увидеть, на какой предмет действительно дано согласие и где голос другого ещё не прозвучал.

Ключевая цитата

> *«терпеливое рассмотрение»*

Эдвард Карпентер, «Промежуточный пол», вводная глава, с. 15. Фрагмент авторского призыва; перевод для этой статьи. Здесь он обозначает внимание к человеку, не принятие исторической типологии и не обещание согласия окружающих.

Связи между традициями

Сопоставление	Общий вопрос	Существенное различие	Предел применения
Историческое выступление Карпентера и авторский разбор	Можно ли сначала услышать человека?	Карпентер использует устаревшие типологии; статья рассматривает конкретное согласие и действие.	Исторический текст не даёт современной диагностики или доказательства эффективности.
Декларация прав человека и повседневная договорённость	Как удержать достоинство участника?	Общий принцип достоинства отличается от выбранного участия в одном деле.	Статья не устанавливает правовой статус союза в конкретной стране.
Католический документ и светский разбор пары	Можно ли различать обращение с человеком и оценку союза?	Amoris Laetitia сохраняет собственное учение о браке; статья не требует общей доктрины.	Уважение в документе не гарантирует поведения семьи и не означает согласия всех традиций.
Приватность и поиск поддержки	Как оставить людям голос о своей информации?	Решение рассказать о себе может затрагивать сведения другого.	Нет обязательного раскрытия и нет общего запрета искать помощь.

Первоисточники

1. Edward Carpenter. *The Intermediate Sex: A Study of Some Transitional Types of Men and Women*. Впервые 1908; показанное издание George Allen & Unwin перечисляет переиздания до 1921. Project Gutenberg №53763, обновление 23.10.2024, подготовка Turgut Dincer и Distributed Proofreading Team по изображениям Internet Archive. Прочитана полностью вводная глава, с. 9–15; использованы только призыв к вниманию и ограничения уверенности автора. Устаревшие типологии, медицинские и эволюционные предположения не используются как современные факты. Текст.

2. Организация Объединённых Наций. *Всеобщая декларация прав человека*, 1948, резолюция 217 A (III). Английский текст на официальном сайте МИД Таиланда, страница от 16.09.2017. Прочитаны все 30 статей; использован общий принцип статьи 1. Это не заключение о законодательстве отдельной страны или признании каждой формы союза. Официальное воспроизведение.

3. Francis. *Amoris Laetitia*, 19.03.2016, официальный английский PDF Ватикана. Прочитаны §§247–252, в статье использованы §§250–251: достоинство независимо от сексуальной ориентации и отдельное католическое учение о браке. Богословский и пастырский документ не является исследованием эффективности поддержки или описанием взглядов всех верующих. Документ.

Теги

пара, достоинство, отношения, семейная норма, согласие, приватность, поддержка, родство, родственники, приглашение, повседневность, договорённость, обещание, ответственность, личная информация, раскрытие, религия, различие взглядов, обращение, помощь, совместная жизнь, расходы, быт, участие, отказ, границы, Карпентер, права человека, уважение, выбор

Про авторов

Andrey Zarinsh и **Maria Evilkut** — авторы United Wisdom. Мы сопоставляем знания разных традиций с вопросами повседневной жизни, сохраняя различия между источниками и право читателя на собственное решение.

Обратная связь и продолжение разговора: **@andrey.zarinsh** и **@ilkutki**.